

АЗБУКА
БЕСТСЕЛЛЕР

Книги
Энтони Дорра:

Весь невидимый нам свет

Собиратель ракушек

Стена памяти

Энтони
Дорр

СТЕНА
ПАМЯТИ

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д 69

Anthony Doerr
MEMORY WALL
Copyright © Anthony Doerr, 2010
All rights reserved

Перевод с английского Владимира Бошняка

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

© В. Бошняк, перевод, примечания, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-10186-9

Энтони Дорр — талантливый и бесстрашный писатель нового поколения. Он смело поднимает самые важные вопросы человеческого бытия. Его персонажи проявляют жизнестойкость, их приключения обретают эпический размах.

Элизабет Гилберт, автор «Есть, молиться, любить»

Всезнающий и всевидящий — как Д. Г. Лоуренс, Толстой, Пинчон, Делилло, — Дорр безошибочно подмечает и узор на крыльях бабочки, и мельчайшие частицы материи во Вселенной, но при этом не обходит стороной неразрешимые вечные вопросы.

The Philadelphia Inquirer

Дорр установил новый стандарт того, на что способна сама форма рассказа. Его короткие истории настолько глубоки, настолько масштабны, что действуют как романы.

Дейв Эггерс

Редко встречаешь писателя, который поможет тебе увидеть мир по-новому. А Дорр делает это на каждой странице!

The Boston Globe

Дорр — выдающийся стилист. Путешествия его героев по миру внешнему и миру внутреннему одинаково завораживают читателя.

Guardian

В этих историях отражается и чудо, и ледяное равнодушие природы; Дорр — великолепный рассказчик.

Outside

При чтении рассказов Дорра в нас пробуждается то восторженное чувство, которое мы испытываем лишь от сильной любви к близкому человеку или предмету наших занятий.

TLS

Благодаря безупречной, классической манере изложения чуда у Дорра кажутся естественными. Впечатляюще!

Sunday Times

Дорр выступает здесь как свидетель истории — не той истории, что повествует о масштабных событиях и великих людях, а о той, что высвечивает безымянные уголки, из которых и вырастают лучшие рассказы. Это как раз тот

редкий случай, когда писатель, не поддаваясь на банальные соблазны, выстраивает незаурядную, сильную и внятную музыку прозы.

Колум Маккэнн

Дорр создает мистическую атмосферу твердым, рассудительным и изящным слогом. После того как вы прочтете книгу, ее персонажи еще долго будут являться вам во сне.

Venue

Проза Дорра завораживает, в его выразительных фразах сочетается зоркость натуралиста и поэтическая образность.

The New York Times Book Review

Энтони Дорр — прекрасный писатель нового поколения. Его рассказы отличает проникновенная глубина и внимание к забытым или вообще неисследованным областям. Эти рассказы не просто описывают красоту — они ее создают.

Рик Басс

Дорр всецело охвачен мыслью о том, что форма материальных объектов может быть подобна форме тех вещей, которые мы лишь пытаемся постичь, — это любовь, утрата, память... Автору удастся разбередить наши чувства, когда он обращает свою острую наблюдательность на муки человеческих переживаний.

Hampstead & Highgate Express

Энтони Дорр родился в американском штате Огайо. Некоторое время писатель жил за границей — в Новой Зеландии и на африканском континенте. Затем Дорр вернулся на родину и поселился в штате Айдахо. Возможность увидеть другие страны значительно обогатила внутренний мир Дорра. Яркие описания природы — не результат многочасового чтения книг или статей в интернете. Почти все, о чем пишет Энтони Дорр, он видел собственными глазами. Русскоязычным читателям американский писатель известен сборником рассказов «Собиратель ракушек» и романом «Весь невидимый нам свет», за который автор был удостоен международного признания и Пулицеровской премии.

Real-books.ru

Посвящается Шоне

Понимание того, что наша жизнь состоит только из памяти, приходит тогда, когда начинаешь ее терять, утрачивая постепенно, кусочками. А жизнь без памяти — это вообще не жизнь, так же как разум без самовыражения — не разум. Память — это связность мысли, сама возможность мыслить, чувствовать, даже действовать. Без нее мы ничто.

Луис Бунюэль. Мой последний вздох

СТЕНА ПАМЯТИ

Высокий мужчина во дворе

Альме Коначек семьдесят четыре года, она живет во Вредехуке; Вредехук — это пригород Кейптауна, где теплые дожди, широкие окна солидных вилл и бесшумные хищные автомобили. Позади ее садика вздымается Столовая гора — огромная, зеленая и волнистая, а взгляду с кухонной веранды подмигивают тысячи городских огней, плавающих в волнах тумана и мерцающих, будто свечи.

Однажды ноябрьской ночью, уже под утро, часа в три, Альма просыпается и слышит, как стальную мощную решетку, защищающую входную дверь, с лязгом раздвигают и кто-то проникает в дом. Ее рука дергается, вода из стакана выплескивается на ночной столик. В гостиной раздается громкий скрип половицы. Слышит она и нечто весьма похожее на чье-то дыхание. Вода со столика стекает на пол.

— Хэлло? — шепотом выдавливает из себя Альма.

В коридоре не иначе как чья-то тень. С лестницы доносится скрип подошвы, и тишина. В комнату вливается ночной воздух, пахнущий жасмином и угольным дымком. Альма прижимает к сердцу кулачок.

За окнами веранды по небу над городом плывут освещенные луной клочья облаков. Пролитая вода подбирается к порогу спальни.

— Кто там? Там кто-то есть?

Старинные напольные часы в гостиной отбивают секунды. У Альмы громко стучит в ушах. Ей кажется, что комната вращается. Медленно-медленно.

— Гарольд? — Тут Альма вспоминает, что Гарольд умер, но ничего не может с собой поделаться. — Гарольд?

Опять шаги, теперь уже на втором этаже, опять ропщет какая-то половица. Проходит, может быть, минута. Чу... Что за звук? Кто-то спускается по лестнице? На то, чтобы набраться храбрости и, шаркая, пройти в гостиную самой, уходит еще не меньше минуты.

Входная дверь распахнута настежь. Светофор на верхнем углу улицы вспыхивает желтым, желтым, желтым. Листва не шелохнется, дома темны. Альма рывком задвигает решетку, захлопывает дверь, засов на место, бросает взгляд сквозь решетку наружу. А через двадцать секунд стоит у стола в прихожей, вертит в пальцах авторучку.

Какой-то мужчина, пишет она. Высокий мужчина во дворе.

Стена памяти

Альма, босая и без парика, стоит в верхней спальне, в руке фонарик. Часы в гостиной тикают и тикают, завершают ночь. Мгновение назад Альма делала что-то очень важное, в этом она совер-

шенно уверена. Что-то жизненно важное. Но теперь не может вспомнить, что именно.

Одно из окон распахнуто. Гостевая кровать аккуратно застелена, покрывало расправлено ровно. На тумбочке у кровати стоит аппарат размером с микроволновку с приклепанной табличкой: «Собственность кейптаунского Института исследования памяти». От него отходят три витых шнура, ведут к чему-то слегка напоминающему мотоциклетный шлем.

Стена напротив Альмы вся сплошь облеплена листочками бумаги. Среди них диаграммы, карты, попадаются мятые клочки, испещренные каракулями. Там не только бумажки: в глаза сразу бросаются пластиковые картриджи размером со спичечный коробок, на крышке каждого выгравирован четырехзначный номер и каждый с дырочкой — этими дырочками они надеты на вбитые в стену гвозди.

Луч фонарика в руке Альмы упирается в цветную фотографию, на которой мужчина в закатанных до колен штанах выходит из морских волн. Она касается пальцем ее края. На лице мужчины не то улыбка, не то гримаса. Вода холодная. Через все фото надпись, сделанная — она это знает — ее рукой: его имя, Гарольд. Этот мужчина ей знаком. Закрыв глаза, она может припомнить розовый цвет его десен, морщины у него на шее, его руки с узловатыми костяшками пальцев. Он был ее мужем.

А вокруг фото сплошь бумажки, бумажки и пластиковые картриджи расходящимися и наползающими друг на друга кругами и слоями — одни на гвоздиках, другие пришпилены булавками или прилеплены жевательной резинкой. Здесь списки

неотложных дел, краткие записи, рисунки, изображающие каких-то, видимо, доисторических зверей и чудовищ. На одной бумажке написано: *Фе-ко можно верить*. Рядом: *Кока-колу брать у Полли*. Здесь же рекламка: *Агентство недвижимости «Портер пропертиз»*. Попадаются странные словечки: *дейноцефалы, позднепермский период, массовые кладбища позвоночных*. Некоторые клочки бумаги пусты, на других следы торопливых подтирок, помарки и вычеркивания. На одной из страничек, вырванных из какой-то брошюры, многократно подчеркнута фраза: *Воспоминания содержатся не внутри клеток, а в межклеточном пространстве*; при этом линии подчеркивания проведены неверной рукой, сикось-накось.

На некоторых из картриджей чуть ниже номеров надписи, сделанные также ее рукой. *Музей. Похороны. Вечеринка у Хэтти*.

Альма моргает. Она не помнит, чтобы когда-либо надписывала картриджи, вырывала из книг страницы или вывешивала что-либо на эту стену.

Постояв у стены, она, как была, в ночной рубашке садится на пол, вытягивает ноги. В окно врывается порыв ветра, бумажки оживают, пляшут, дергаясь на булавках. Некоторые срываются, разлетаются по ковру. Картриджи еле слышно побрякивают.

Переместившись к центру стены, луч фонарика снова находит фотографию мужчины, выходящего из моря. Не то гримаса, не то ухмылка. Это Гарольд, думает она. Он был моим мужем. Он умер. Уже годы прошли. Конечно.

За ее окном, за кронами пальм, за городскими огнями океан; над ним то луна, то облако. Он то за-

лит светом, то темнеет. С негромким рокотом пролетает вертолет. Трепещут пальмы.

Альма опускает взгляд. В ее руке клочок бумаги. На нем написано: *Какой-то мужчина. Во дворе высокий мужчина.*

Доктор Эмнести

За рулем «мерседеса» Феко. Три жилые башни на краю района Вредехук сверкают на утреннем солнце. Машины взрыкивают перед светофорами. Шесть раз в разное время Альма, щурясь, вглядывается в проносящиеся вывески и спрашивает водителя, где они и куда едут.

— Мы едем к доктору, миссис Альма.

К доктору? Альма трет глаза, пробует сосредоточиться. Пытается поглубже вдохнуть. Возится с париком. Когда «мерседес» въезжает по спиральным пандусам многоэтажной парковки, у него пошвистывают шины.

Перила крыльца у доктора Эмнести сверкают нержавеющей сталью, по всем углам горшки с папоротником. У него пуленепробиваемая дверь, в углу которой краской отпечатан адрес. Это место Альма помнит примерно так же, как, бывает, помнишь какой-нибудь дом из далекого детства. Будто она была маленькая, а с тех пор стала вдвое больше.

Они звонят, попадают в приемную. Феко сидит, барабанит пальцами по колену. Четырью креслами дальше у аквариума с рыбками сидят две хорошо одетые женщины, одна на несколько десятков лет моложе другой. У обеих в ушах крупные жемчужины. Альма думает: во всем здании Феко

единственный черный. На мгновение она забывает, зачем пришла. Но эти кожаные кресла, эта голубая галька в аквариуме с морской водой... — а, клиника памяти! Конечно. Доктор Эмнести. К нему приходится ездить в Грин-Пойнт.

Через несколько минут Альму подводят к полумягкому стулу, накрытому гофрированной бумагой. Все это ей уже знакомо: картонный короб с резиновыми перчатками, пластиковая тарелочка для ее сережек, два электрода у нее под блузкой. С нее снимают парик, смазывают кожу головы холодным гелем. Плоский телевизор показывает песчаные барханы, потом одуванчики, потом бамбук.

Эмнести. Странная фамилия. Что она означает? Помилование? Отсрочку приговора? Нет, что-то более постоянное, чем отсрочка, не правда ли? Амнистия бывает у преступников. У тех, кто сделал что-то плохое. Когда вернемся домой, надо будет попросить Феко, чтобы взглянул, выяснил. А может, она и сама не забудет этим заняться.

Что-то говорит медсестра.

— А как у нас со стимулятором? Переносной стимулятор хорошо работает? Вы чувствуете какое-нибудь улучшение?

— Улучшение? — (Ну да, наверное. Что-то вроде бы улучшилось.) — Стало как-то почетче, — отвечает Альма.

Ей представляется, что говорить что-то в этом духе она как бы обязана. А как же, ей ведь открывают новые пути! Помогают вспомнить, как надо вспоминать. Чего-то такого они от нее и ждут.

Сестра что-то бормочет. По полу шарканье ног. Гудит невидимая аппаратура. Будто сквозь вату Альма чувствует, как с разъемов в ее черепе сни-

мают резиновые колпачки и ввинчивают четыре винтика. В руке держит записку: *Миссис Альма! После процедуры Феко отвезет вас домой.* Конечно.

Открывается дверь с маленьким круглым окошечком. Вышедший оттуда бледный мужчина в зеленом халате протискивается мимо нее, от него пахнет жевательной резинкой. Альма думает: а ведь комнаты вроде этой у них тут наверняка есть где-то еще; где-то еще стоят такие же стулья, и другими такими же приборами там раскупоривают другие помутившиеся мозги. Выискивают в них воспоминания, записывают на маленькие прямоугольные картриджи. Пытаются бороться с распадом памяти.

Ее голову закрепляют в пужном положении. Щелкают алюминиевые шторы, перекрывающие окошко шлема. В тишине между вдохом и выдохом ее слух улавливает тихий шум транспорта с улицы.

Вот надевают шлем.

За три года до этого, вкратце

— Раньше думали, что воспоминания запасаются в виде измененных молекул в клетках мозга, — три года назад сказал Альме доктор Эмнести во время первого ее визита.

Записавшись к нему, она стояла в очереди десять месяцев. У доктора Эмнести волосы цвета соломы, почти прозрачная кожа и невидимые брови. По-английски он говорит так, будто слово — это крошечная икринка, которую приходится осторожно проталкивать сквозь зубы.

— Так думали всегда, но были не правы. Истина состоит в том, что местом обитания старых воспоминаний является не внутренность клетки, а межклеточное пространство. В нашей клинике мы выбираем из таких мест наиболее обещающие, метим их и конструируем на их основе электронные модели. Все это делается в надежде на то, что мы научим поврежденные нейроны самоизлечиваться. Направим их на новые пути. Научим их перезапоминать. Вам понятно?

Нет, Альме непонятно. Или если и понятно, то не совсем. Уже много месяцев, с тех пор как умер Гарольд, она все забывает: забывает заплатить Фенко, забывает съесть завтрак, забывает, что означают цифры в чековой книжке. Выходит в сад с секатором, и за минуту он куда-то по дороге пропадает. Фен для волос вдруг обнаруживается в кухонном буфете, ключи от машины — в жестянке с чаем. А бывает, роешься, роешься в голове в поисках слова, но так и не находишь: кошениль? кашпо? кашмир?

Уже двое врачей диагностировали у нее деменцию. Альма предпочла бы амнезию: на ее взгляд, это было бы конкретнее, да и звучит не так страшно. Чувство такое, будто в голове то ли ржавеет что-то, то ли утекает, как через дырочку. Семь десятилетий жизненного опыта, пять десятилетий брака, четыре десятка лет работы в «Портер пропертиз» — так много домов, и покупателей, и продавцов, что всех не упомнишь, их даже не счесть, да сюда же еще всякие скороварки и салатницы, мечты и мучения, приветы и проклятья. Разве может все это стереться бесследно?

— Мы не предлагаем панацею, — говорит доктор Эмнести, — но, может быть, нам удастся замед-

лить процесс. И не исключено, что некоторые воспоминания мы даже сможем вам вернуть.

Кончики обоих указательных пальцев он представляет к носу, получается что-то вроде пирамиды. Альма чувствует: сейчас он произнесет приговор.

— А так, если без нашего вмешательства, дело пойдет очень быстро, — говорит он. — С каждым днем вам будет все труднее оставаться в контакте с окружающим миром.

Вода в вазе, понемногу размягчающая стебли роз. Ржавчина, поселившаяся на кулачках и шпешках в замке. Сахар, проедающий дентин зубов, река, размывающая берега. Альме приходят в голову тысячи сравнений, но все не к месту.

Она вдова. Ни детей, ни домашних животных. У нее «мерседес», полтора миллиона рэндов сбережений, пенсия Гарольда и дом во Вредехуке. Лечение у доктора Эмнести — это все же какая-то надежда. Она соглашается.

Операция проходит как в тумане. Проснувшись, Альма чувствует, что у нее болит голова и исчезли волосы. Пальцами нащупывает у себя на черепе четыре резиновых колпачка.

Через неделю Феко снова отвез ее в клинику. Одна из ассистенток доктора Эмнести сопровождала Альму в помещение с кожаным креслом, похожим на те, что в кабинетах дантистов. Шлем ощущался кожей макушки как легкая вибрация. Ей сказали, что так собирают воспоминания; предсказать, хорошими они окажутся или дурными, пока нельзя. Больно не было. Ощущение такое, будто голова пуста и пауки оплетают ее изнутри паутинами.

С этой второй процедуры доктор Эмнести отпустил ее домой через два часа, снабдив переносным стимулятором памяти и картонной коробкой с девятью маленькими штампованными картриджами. Каждый картридж из одинакового бежевого пластика, на крышке каждого четырехзначный номер. Два дня она на этот их проигрыватель картриджей любовалась, потом отнесла наверх, в гостевую спальню, — это было около полудня, день выдался ветреный, а Феко не было, он тогда как раз ходил за продуктами.

Воткнула вилку в розетку и вставила первый попавшийся картридж. По позвонкам шеи пробежало слабое содрогание, а потом комната пошла слоями и пропала. Стены будто растаяли. Сквозь промоины в потолке показалось небо, реющее, как флаг. Потом зрение у Альмы отключилось вовсе, так что весь ее дом словно растворили и спустили в канализацию, а на его месте вновь материализовалось то, что было с ней когда-то.

Она оказалась в музее: высокие потолки, полумрак, запах краски, какой бывает, когда вокруг открыто сразу много глянцевого журналов. Музей Южной Африки. Гарольд был там с нею рядом, вот он наклоняется над застекленной настольной витриной, он возбужден, глаза сияют — нет, вы посмотрите на него! Какой молодой! Защитного цвета брюки коротковаты, видны туфли и над ними черные носки. А давно она с ним знакома? Да не больше полугода!

А вот туфли, которые на ней, никуда не годятся: малы и такие жесткие! В тот день погода стояла превосходная, и Альма с этим своим новым долговязым приятелем предпочла бы посидеть где-

нибудь под деревом в парке «Компаниз гарден». Но Гарольду захотелось в музей, а ей хотелось быть с ним. Вскоре они оказались в зале окаменелостей, где на подиумах стоят штук десять скелетов — есть большие, размером с носорога, есть с клыками метровой длины, и все с массивными безглазыми черепами.

— Нет, это надо же! Они на сто восемьдесят миллионов лет старше динозавров, а? — шепчет Гарольд.

Рядом какие-то школьницы, жуют резинку. На глазах у Альмы самая рослая из них плюет, медленно выпуская слюну в фарфоровую чашу питьевого фонтанчика, потом втягивает слюну обратно в рот. На фонтанчике табличка: «Только для белых»; эти слова выведены красиво, каллиграфическим шрифтом. У Альмы такое чувство, будто ее ступни зажаты в тисках.

— Ну еще хоть минуточку, — просит Гарольд.

Альма, которой теперь семьдесят один, смотрит на все это глазами двадцатичетырехлетней. А ведь ей и впрямь было двадцать четыре! Стояла с потными ладошками и сбитыми в кровь ногами на этом своем свидании с тогда живым еще Гарольдом. Молодым, поджарым юношей Гарольдом. Он был без ума от всех этих скелетов; говорил, что они выглядят так, словно у них тела одних животных, а головы других. Вот та — чем не собака с головой змеи? Или вот: орлиная голова, а тело как у бегемота. «Смотреть на них мне никогда не надоест!» — мальчишески блестя глазами, говорил юноша Гарольд молодой Альме. Двести пятьдесят миллионов лет назад, объяснял он, эти существа вымерли, их тела погрузились в топь, потом кости

окаменели и понемногу слились с окружающей почвой. А теперь эти кости кто-то отделил от горных пород, снова собрал в скелеты и выставил на свет божий.

— Это ведь и наши предки тоже, — шепчет Гарольд.

Альма не могла себя заставить даже толком приглядеться: безглазые, бесплотные, смертоносные; казалось, они специально спроектированы для того, чтобы рвать друг друга на части. Ей хотелось поскорее вытащить этого длинненького мальчика куда-нибудь в парк, сесть с ним на скамеечку, прижавшись бедром к бедру, и снять наконец туфли. Но Гарольд все тянет и тянет дальше.

— А вот терапсиды. Горгонопсия. Большая, прямо как тигр! Две, а то и три сотни килограммов. Пермский период. На данный момент их найдено всего два полных скелета. И нашли их, между прочим, неподалеку от тех мест, где я вырос. — (Тут Альма чувствует, как он сжал ее руку.)

Ее мутит. У чудища короткие мощные ноги, глазные впадины размером с кулак и челюсти, полные зверских зубов.

— Говорят, они охотились стаями, — продолжает шептать Гарольд. — Представь: продираешься сквозь кусты — и вдруг перед тобой таких сразу штук шесть!

В воспоминании двадцатичетырехлетняя Альма вздрагивает.

— Нам кажется, что мы есть, потому что есть, иначе и быть не может, — продолжает он, — но это ведь все игра случая, не правда ли?

С этими словами он поворачивается к ней, готовясь объяснить, но тут со всех сторон набежали

тени, все вокруг залили как тушью, в них исчезли и сводчатые потолки, и школьница, плевавшая в фонтанчик, а затем и сам юный Гарольд в его коротковатых брючках. Переносный стимулятор пискнул, картридж выскочил; воспоминание съезжилось и пропало.

Сморгнув, Альма обнаружила, что еле стоит, чуть дыша и держась за изножье гостевой кровати в трех милях и пяти десятилетиях от себя самой. Сняла шлем. За окном завел свою песню дрозд: чи-чвиу-у-у. По корням зубов полоснула боль.

— Боже ты мой, — сказала Альма.

Бухгалтер

Все это было три года назад. Нынче уже с полдюжины врачей успешно собирают воспоминания богатых пациентов, начиняют ими картриджи, а потом эти картриджи иногда даже продаются на улицах. Старожилы в домах престарелых, говорят, используют теперь проигрыватели памяти вместо наркотика: туда раз за разом суют один и тот же запиленный картридж — брачную ночь, например, весенний вечер или велопрогулку вдоль берега. Маленькие пластиковые коробочки полируются старыми пальцами аж до блеска.

Из клиники домой Феко отвозит Альму с пятнадцатью новыми картриджами в картонной коробке. Нет, отдохнуть, прилечь она не хочет. Не хочет и нарезанных треугольниками тостов, поднос с которыми Феко ставит рядом с ее креслом. Хочет только одного: расслабленно и молча сидеть в верхней спальне в надетом на голову шлеме пе-

реносного стимулятора, присоединив его шнуры к разъемам на голове и временами выпуская изо рта слюну тонкой струйкой. И живя при этом не столько в нынешнем мире, сколько в некоем синтезированном цветном прошлом, откуда ей по проходам поставляется память о забытых мгновениях.

Примерно каждые полчаса Феко вытирает ей подбородок и вставляет в аппарат новый картридж. Вводит код и смотрит, как у нее закатываются глаза. К стене перед ней прищиплена уже чуть не тысяча картриджей, еще сотни грудками валяются на ковре.

Около четырех к дому подъезжает «БМВ» бухгалтера. Он входит без стука и, поднимаясь по лестнице, на ходу принимается звать: «Феко, Феко!» Когда приходит Феко, портфель бухгалтера уже раскрыт, он на кухне, что-то пишет на листе бумаги, подложив под него твердую папочку. Обут бухгалтер в мягкие кожаные мокасины на босу ногу, на нем джинсы и изумрудного цвета свитер, похоже очень пушистый и мягкий. Авторучка у него серебряная. На приветствие отвечает, не поднимая головы.

Поздоровавшись, Феко ставит на огонь кофейник и отходит к дверям, сцепив руки за спиной. При этом голову старается держать поднятой выше, чтобы его вид не был заискивающим. Перо бухгалтера, посвистывая, скользит по бумаге. За окном над Атлантикой несутся розовато-лиловые тучки.

Приготовив кофе, Феко наливает его в кружку и ставит рядом с портфелем бухгалтера. Феко по-прежнему стоит. Бухгалтер пишет, проходит минута. Слышно, как во время выдоха у него шур-

шит в носу. Наконец он поднимает взгляд и спрашивает:

— Она где — наверху?

Феко кивает.

— Хорошо. Слушайте, Феко. Мне сегодня звонил этот ваш... целитель. — Бухгалтер устремляет замученный взгляд на Феко и принимается постукивать авторучкой по столу. Стук. Стук. Стук. — Три года. И в общем, без большого улучшения. Док говорит, мы просто поздно хватились. Говорит, мы, может быть, избежали чего-то еще худшего, но сейчас наши средства исчерпаны. Валун велик, и он уже пошел, так что пытаться его остановить, подкладывая камешки и полешки, бесполезно.

Наверху у Альмы тихо. Феко смотрит на свои ботинки. Перед его внутренним взором огромный валун катится вниз, проламываясь сквозь чащу. А еще он видит своего пятилетнего сына Тембу, который сейчас на попечении у мисс Аманды, в десяти милях отсюда. Интересно, что Темба делает сейчас? Ест, наверное. Или играет в футбол. Или надевает очки.

— Миссис Коначек требуется уже круглосуточная опека, — говорит бухгалтер. — Все очень запущено. Вы должны были это предвидеть, Феко.

Феко прочищает горло.

— А я и опекаю. Я здесь семь дней в неделю. С восхода и до заката. Частенько бывает, что и позже остаюсь. Готовлю, убираю, хожу за покупками. С ней нет проблем.

Бухгалтер поднимает брови.

— С ней масса проблем, Феко, и вы это знаете. Но вы хорошо делаете свое дело. Очень хорошо.

СОДЕРЖАНИЕ

СТЕНА ПАМЯТИ

Высокий мужчина во дворе	9
Стена памяти	10
Доктор Эмнести	13
За три года до этого, вкратце	15
Бухгалтер	21
Остров Сокровищ	25
V478A	26
Во дворе высокий мужчина	30
Порядок вещей	33
Вторник, утро	39
Музей Южной Африки	40
Ночь на среду, ночь на четверг	45
Утро пятницы	50
Картридж 4510	51
Шефе Карпендер	53
Второй этаж	55
Первый этаж	58
Кошмарный сон	62
Суббота	63
Люминесцентные фонари	66
А в это время	67
Картридж 4510	68
Воскресенье, 4 утра	71
Ну ее, эту очередь!	73
Гарольд	74
Высокий мужчина во дворе	81

СОДЕРЖАНИЕ

Фитнес-клуб «Вёрджин-эктив»	82
Рассвет	83
Часы	85
Мальчик, упавший с неба	87
Следующие несколько дней	88
В478А	91
Свартберг-Пас	92
Первый день	96
Большое Кару	98
Что от нас остается?	102
Горгонопсия	106
Возвращение	109
Отель «Двенадцать Апостолов»	112
Горгонопсия	115
Феко	116
Альма	120
ПЛОДИТЕСЬ И РАЗМНОЖАЙТЕСЬ	124
ДЕМИЛИТАРИЗОВАННАЯ ЗОНА	158
ДЕРЕВНЯ 113	
Плотина	168
Вопросы	169
Октябрь	170
Ли Цин	171
Осмотр	172
Всю ту неделю	174
Цифры	175
Исход	177
Вечер перед отъездом Ли Цина	179
Школьный учитель	180
Ноябрь	181
Дети	183
Вниз по реке	184
Город	185
Будущее	187

СОДЕРЖАНИЕ

Район 104	188
Возвращение	191
Деревня	192
Весна	193
Светляки	195
Память	196
Июль	199
И наконец	200
31 июля	204
Спустя годы	206
РЕКА НЯМУНАС	209
ЗАГРОБНЫЙ МИР	250
НА ГЛУБИНЕ	326
Примечания. <i>В. Бошняк</i>	353

Дорр Э.

Д 69 Стена памяти : повести, рассказы / Энтони Дорр ; пер. с англ. В. Бошняка. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. — 384 с. — (Азбука-бестселлер).

ISBN 978-5-389-10186-9

Впервые на русском — сборник Энтони Дорра, автора поразительного международного бестселлера «Весь невидимый нам свет» (роман получил Пулицеровскую премию и стал финалистом Национальной книжной премии США) и сборника «Собираатель ракушек». Семь трогательных, поэтичных историй о вечных и неразрешимых проблемах, о бескрайней природе и месте человека в ней, о непостижимости любви и невыносимости утраты, но в первую очередь — о памяти как о том, что придает жизни смысл, как о хрупкой нити, связывающей нас с другими людьми и с нашим собственным «я». Как было сказано в одной из рецензий: «При чтении рассказов Дорра в нас пробуждается то восторженное чувство, которое мы испытываем лишь от сильной любви к близкому человеку или предмету наших занятий».

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ЭНТОНИ ДОРР
СТЕНА ПАМЯТИ

Редактор Александр Гузман
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Татьяна Бородулина, Нина Тюрина
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 01.02.2016. Формат издания 84 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 10 000 экз. Усл. печ. л. 18,72. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах
на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors

YABA1821301R